

Сент. 2021, 1979, ТЕМВ.

Ираклий АБАШИДЗЕ

И СОСТАРЯСЬ, ОСТАТЬСЯ ПОЭТОМ...

С радостью узнали из «Литературной газеты» о том, что готовится к изданию книга воспоминаний И. Абашидзе. Ждем ее выхода с большим интересом. Воспоминания поэта, судьба которого тесно переплетена с судьбой страны, с судьбами его замечательных современников, волнует нас и как ровесников Ираклия Виссарионовича, и как поклонников его доброго, доброго таланта.

Мы оба — художники. Поэзия И. Абашидзе близка нам поисками гармонии, ощущением непреходящей красоты мира, оптимистическим духом веры в возможности и силы человека. Многие гово-

ВОЗРАСТ — не просто отметка в анкете, обозначающая годы и десятилетия, отделяющие человека от даты его рождения. Возраст — строгий судья, требующий от каждого из нас честных ответов на честно и безжалостно предъявляемые временем вопросы. Как, во имя чего прожил ты умеренную тебе жизнь, что достигнуто за прошедшие годы, а что утрачено? Правду, одну только правду, всю правду!

Возрасту, разумеется, подвержено всё и все. И природа не делает исключения для поэтов. Скорее, наоборот. Как нарочно, именно поэтов она выбирает себе в жертву. Прозаик сидит себе за столом и десятилетия, до глубокой старости пишет свои тома, тогда как поэт...

Обратите внимание, почти каждый прозаик начинал с поэзии и лишь потом переходил на прозу. Может быть,

рят нам строки И. Абашидзе: «Хожу я как литературное наследство». Видимо, эти строки можно поставить эпиграфом к книге воспоминаний поэта. Но если бы нам довелось встретиться, мы бы спросили Ираклия Виссарионовича: в какую минуту они написаны — в минуту светлой печали, раздумий о своем назначении на земле? А может, они обращены к тем, кто получит в дар это богатое и ко многому обязывающее наследство?

**О. Л. ОГИБЕНИНА
(ГИНЗБУРГ),
Л. Н. ОГИБЕНИН**

НОВОСИБИРСК

чтобы избежать приговора времени? А может, и впрямь «лета к суровой прозе кланяют»?

Так случилось, что я не пишу прозы — в свое время не начал, а сейчас, кажется, уже ничто не поможет...

Поэзия — это молодость. Прекрасно сказал грузинский поэт: «Стих и юность — их разделить нельзя, их одним чеканом чеканили». Спросите читателей — они всегда представляют себе поэтов молодыми. Может быть, они правы?

Пушкин, Лермонтов, Веневитинов, Байрон, Шелли, Китс, Вийон, Маяковский, Есенин, Блок, Ник. Бараташвили... И сколько еще! Можно было бы «провести» неплохое со вещание молодых поэтов, не правда ли?

Да, но вам-то вот-вот исполнится 70 — вправе спросить меня читатель, — как вы относитесь к своему возрасту? На пороге 50-летия

(кажется, только-только это было, а ведь два десятилетия прошло!), размышляя над тем, что сделано мною в жизни, написал я цикл «Приближение». Следующим рубежом считаю цикл «По следам Руставели». С дистанции времени, с высоты истории, с поэтической вершины, какой был и остается для каждого грузина наш великий предок, я пытался ставить перед собой те же вопросы. И вот сейчас меня переполняют новые мысли и чувства, новые стихи, складывающиеся в цикл «Гимн жизни на земле».

В строках «Хожу я как литературное наследство» некоторые читатели увидели грусть, некоторые — шутку. А я сам? Что заставило меня написать их?

Когда листаешь главы истории советской поэзии, главы борьбы за становление новой литературы, за безоговорочное признание нарождающегося социалистического строя, за созидание новой культуры в столкновении со всяческими уклонами и увлечениями, — видишь, что это и есть твоя жизнь. Когда встречаешь на страницах истории знакомые и близкие имена, — вспоминаешь о них как о живых людях, дорогих друзьях, с которыми ходил по одним улицам, заседал на совещаниях, спорил, вместе с которыми творил. Когда, оглядываясь, видишь — редкуют ряды старой гвардии, вот и минувший год унес еще одного друга — Павла Анткольского, то, конечно, загрустишь и подумаешь: не стал ли и ты сам «наследством»?

Но есть и другая мера отсчета. Когда встречаешься лично или на страницах газет, журналов, читаешь тех, с кем рядом провел годы и годы, испытал немало литературных боев у нас и за рубежом — Н. Тихонова, А. Суркова, М. Бажана, — то с гор-

достью ощущаешь, что есть еще порох в пороховницах, неспетые песни, ненаписанные строки.

Нет, не будем грустить оттого, что молодость прошла, что лицо отметила печать времени, что стареет, теряет свежесть первозданность чувств, настроений. Ибо не